

НИКОЛАЙ КРИЖАНОВСКИЙ

НЕОБЪЯСНИМЫЕ ПРАВИЛА ПРОЗЫ

Подборка прозаических произведений, опубликованных на страницах журнала “Наш современник” в 2009 году, впечатляет: шесть романов (три из которых опубликованы полностью, а три – избранными главами), восемь повестей, более пятидесяти рассказов и других произведений малых жанров. Обращусь к тем произведениям, которые привлекли внимание и отражают общие тенденции опубликованной на страницах журнала прозы.

Роман Владимира Пронского “Казачья Засека” (№ 1) посвящён современной выживающей деревне.

Жизнь “рыночной” России в трудные “нулевые” показана через судьбу крестьянина Андрея Бунтова, его семьи, всей деревни. В романе присутствуют черты оскудения деревенской жизни. Например: дети главного героя уехали в город, селяне живут бедно, многие мужики без работы и пьянствуют. Но ещё больше другого – признаков того, что русская деревня не умрет, она ещё крепка и способна к обновлению. Подтверждение этому – судьба главного героя. Автор показывает нравственное обновление современного русского крестьянина, его преодоление пьянства, стремление созидать жизнь. Нет, Андрей Бунтов – не лубочный герой. Ему трудно удержаться от соблазнов. Чего стоит его, мужа, отца и деда, “увлечение” соседкой-почтальонкой Розой Устиновой. Но главное в герое – умение осознать свое падение и прийти к необходимости подняться, преодолеть греховное: от праздного пьянства – к трезвой трудовой крестьянской жизни, от измены – к покаянию и возврату в семью.

В. Пронский создал нужный современному обществу роман-призыв, в котором многое соответствует нынешним реалиям на селе. Автор верит в обновление всей деревни. Ведь без духовного и экономического подъема жизни всей крестьянской России не будет так чаемой нынешним руководством государства подлинной модернизации всей страны.

Пометка “журнальный вариант” подсказывает, что перед нами не всё произведение. Но, так или иначе, после прочтения романа возникает несколько вопросов. Чем бандит Семён Пичугин хуже тех, кто его убивает (по логике романа – это люди, подсланные сыном главного героя)? Почему слабо прорисована сюжетная линия, связанная с сыном Андрея Бунтова Геннадием, его работой, семьей? Какова судьба предприятия Андрея Бунтова, неужели все так гладко? Для чего крупный олигарх-меценат, на которого работает Генна-

дий, поддержал крестьянский труд? Эти и другие вопросы подталкивают к поиску и прочтению полного варианта романа.

Иной показана деревня в **рассказе Владимира Гофмана “Командировка” (№ 1)**. Описание Сосновки, где осталось жить несколько десятков старух и старик и куда зимой можно попасть только пешком, бросив машину на трассе, становится фоном повествования, в основе которого темы духовного единения поколений в православии и познания красоты и чистоты русской жизни молодым священником, командированным из города для проведения крещенских служб. Поначалу Сосновка для него – медвежий угол, куда трудно добраться. После поездки – один из лучших уголков христоролюбивой гостеприимной Руси.

Нижегородский священник В. Гофман наполнил повествование ощущением чистоты и открытости мира, показал искренность веры и старшего и молодого поколения верующих в России.

“Изображение детей в русской литературе всегда было органической частью исследования русской жизни, дополнительным углом зрения на неё”, – писал Михаил Лобанов в известной статье “Освобождение”. **Роман А. Лиханова “Слётки” (№ 2–3)** продолжает эту отечественную традицию, идущую от Л. Толстого, С. Аксакова, М. Горького, А. Толстого, И. Шмелёва.

В центре романа трудная жизнь братьев Бориса и Глеба из небогатой семьи с окраины провинциального города. Название произведения напрямую связано с темой детства, взросления, родительской заботы. Ведь “слёток, – отмечено в словаре В. Даля, – молодая птица, уже слетевшая с гнезда”. А. Лиханов вглядывается: что там происходит, в простом русском человеческом гнезде? Как дети взрослеют? Как родители радеют о них? Какие опасности подстерегают подростков? Взгляд писателя сосредоточен на 1990-х – 2000-х годах, в которые многие как будто забыли, что есть дети. Проблемы детской жизни сознательно связываются автором с проблемами взрослой. Безотцовщина и отесненность подрастающего поколения на обочину родительского внимания, братская любовь и жестокость подростков, обнищание жизни в России и волны агрессивных мигрантов с юга, нравственный выбор молодого человека и попытка обрести смысл жизни, искренняя радость от общения с взрослым товарищем и разочарование в тех, кому поверил – это и многое другое отобразил автор на страницах романа.

Альберт Лиханов – один из немногих современных писателей, кто всё своё творческое внимание обращает на ребёнка. Он знает: от того, какие сегодня дети, как они воспитаны, какие привычки, взгляды у них формируются, зависит будущее нашей страны. Он провидец грядущего, основывающий своё знание на понимании простого и неотменимого закона смены поколений.

Русская жизнь в историческом времени, в её соотношении с непреходящими христианскими ценностями и народными традициями – вот что интересует современного прозаика **Анатолия Байбородина** из Иркутска. Его **рассказ “Медвежья любовь” (№ 3)** посвящён судьбам двух друзей-сибиряков – подполковника Павла Николаевича Семкина и преподавателя вуза Ивана Петровича Краснобаева.

Темы семьи и любви – центральные в рассказе. Их освещение автор напрямую связывает с православием. Любовь без Бога, по мнению Ивана Петровича, становится звериной – “собачьей” или “медвежьей”. От неё – измены, “бракованные браки, и вся семейная жизнь кобыле под хвост”.

В рассказе есть и описание нравов современной молодежи, оторванной от русской традиции, и воспоминания о первой влюбленности друзей-старшеклассников, и спор-размышление о подлинных ценностях этих же, но уже проживших большую часть жизни друзей.

Два начала борются в героях – природно-животное, страстное, подталкивающее смаковать пышные формы увиденных в электричке барышень, и христиански-традиционное, русское, семейное. Поведение Павла Николаевича и в юности и в зрелые годы определяет первое, и он живет, не признавая Бога, а Ивана Петровича – второе.

Художественная концепция рассказа построена на шутивно-серьезной полемике постаревших друзей, перебиваемой воспоминаниями о пережитом в юности. Припоминания о давней влюбленности ярче высвечивают характеры друзей: в начале жизненного пути Иван более покладистый, стыдливый, “смирный телок”, Павел – задиристый, “за матужкой сроду в карман не лазил”.

Православно-христианское восприятие жизни Ивана Петровича во многом совпадает с авторским видением мира. Логика развития действия в рассказе как бы подталкивает Павла Николаевича к христocентричному пониманию жизни, однако этого в пределах повествования не происходит.

В финале А. Байбородин не выносит приговора “грешному” персонажу, оставляет надежду на его духовное возрождение. В пространстве рассказа это подтверждают и привидевшийся Ивану Царь Небесный, обличающий многогрешного Петра, и горячая молитва пожилого преподавателя о душе друга.

Колоритен и насыщен язык рассказа. По стилю он отдалённо напоминает язык произведений Владимира Личутина, только с байкальской просоленностью народными крылатыми выражениями, поговорками, прибаутками.

Рассказ А. Байбородина “Медвежья Любовь” напомнил мне повесть “Третья правда” другого уроженца Прибайкалья – Л. Бородина. Авторы – земляки, оба их произведения – сравнительная характеристика русских людей, отображение разных ценностных подходов к жизни.

В мартовском номере есть ещё один **рассказ** о любви – лирическое повествование **Татьяны Соколовой “Под большой медведицей” (№ 3)**. Это внутренний монолог женщины о мире, взаимоотношениях с ним, о поиске и обретении любимого человека. Лирическое начало рассказа лежит в области глубоко личной, отграниченной от окружающих. На первом плане “я” лирического героя. Всё остальное к нему прилагается, служит для него объектом наблюдения. К сожалению, тема любви в сознании героини никак не связывается с семьёй. Любовь – чувство, которое может растревожить и нарушить в сознании лирической героини устоявшийся порядок вещей, а ещё – “любовь-морковь” – все это выдумки поэтов, завитушки для украшения одного из инстинктов”.

Андрей Воронцов – давний автор “Нашего современника”. Он талантливый публицист, критик и исследователь истории отечественной литературы. Публикация журнального варианта его **романа “Необъяснимые правила смерти” (№ 5–6)** стала своеобразным открытием года в прозе. Не часто на страницах “Нашего современника” можно увидеть детективы, да ещё такие остро сюжетные.

Писатель овладел детективным жанром почти в совершенстве. Сюжет завязан на таинственной истории о двух чемоданах со смертоносным содержимым, в которую судьба вплетает жизнь главного героя повествования Василия Колыванова. Журналист Колыванов – отечественный интеллектual-супермен в обличии интеллигента, порой склонный к рефлексии и наделенный способностью проницательного психологического и политического анализа. Ему удастся уйти от бандитов из организованных преступных группировок, заставить плясать под свою дуду офицеров ФСБ и при помощи спецслужб выиграть схватку с силами зла за свою собственную жизнь и жизнь многих людей. Все, что он делает – не только спасение “живота своего”, но и служба Родине, протivостояние охватившей страну смуте.

Интерес читателя подстегивает и любовная интрига романа – сорокалетний Колыванов и его подруга Виктория вот-вот признаются друг другу в любви, а выпавшие на их долю испытания хотя и мешают этому, но постепенно сближают.

Детективное повествование о современной жизни перемежается с воспоминаниями героя-москвича о событиях 1980–1990-х, свидетелем которых он был, и его размышлениями на самые разные темы: о работе СМИ, о национальном вопросе на Кавказе в 1980-е, об оранжевых политических интригах на Украине, о переменах в облике столицы к началу 2000-х, о людях социального дна, о характере русского народа и т. д.

В статье “Художественная проза родилась одновременно с исторической литературой” А. Воронцов формулирует основные условия, соблюдение которых обеспечивает успех художественного произведения: “. . . Честность, правдивость, смелость и талант”. Если оценивать роман писателя по этим критериям, то, думаю, сделано многое. Несомненна честность художественных и исторических обобщений, очевидна правдивость, понимаемая как стремление опираться на конкретные факты жизни, проверенные лично. Постановка острейших проблем внешней и внутренней жизни нашей страны (жизнь в ближнем зарубежье, организованная преступность, социальные контрасты) свидетельствует о смелости автора. Определенная новизна и дерзость мыш-

ления присутствует и в методе чтения судьбы и расшифровки тайн, основанном на поиске и столкновении схожих фактов (“... Тайнопись расшифровывают, используя повторяющиеся знаки и слова”), и в откровенных размышлениях журналиста о губительной для постсоветской России роли СМИ.

Однако некоторые умозаключения Колыванова поверхностны и противоречивы. Для примера возьму две цитаты, отдаленные друг от друга страницей текста: “Разговоры о пресловутой “амбивалентности” русского (а равно украинского и белорусского) человека, соединяющего в себе праведника и грешника, я считаю пустым вздором”; “... В нашей жизни, — как сказал Дмитрий Карамазов, — дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердце человеческое”. В одном случае — очевидный отказ от амбивалентности, в другом — признание её.

Сомнительны и такие размышления Василия Колыванова о народе: “В патристических кругах до сих пор бытует легенда, что в “глубинке”, в народных недрах, живет ещё воля к сопротивлению, правда и справедливость. Как хотелось бы верить...”; “Люди в глубинке буквально вымирают от пьянства, девчонки... пошли на панель, в проститутки...”; “Мы без конца курили народу фимиам, как идолу какому-то и дождались благодарности: народ, когда мы стали писать воззвания к нему, удивленно выпучился на них”; “... Люди и до “перестройки” жили почти без идеалов, угрюмой свинцовой жизнью без Бога, оживляемой лишь звоном нелего достающихся рублей”. Легковесность и необоснованная широта обобщений в приведённых цитатах, думаю, очевидны.

Колывановское понимание народа — это местечковый взгляд из Москвы, рассматривание проживающих на территории страны через отражение в кривом зеркале столичных СМИ.

Детективное повествование А. Воронцова мне напомнило романы Ф. Достоевского. В тексте есть и прямая отсылка к произведениям великого романиста позапрошлого века: “Нынешняя Москва переплюнула Петербург Достоевского”. Однако, как мы помним, романы последнего всегда идейно соотносены с идеалом Христа, чего в произведении А. Воронцова нет.

Ещё одно слабое звено повествования — решение в романе темы православия. Есть в “Необъяснимых правилах смерти” блеск золота новых куполов столичных церквей, есть “великолепный Кремль, внутри которого тяжело и скучно”, поскольку “благородный облик древних соборов **придавливал** (выделено мной. — **Н. К.**) масонский классицизм”, есть постоянные прихожане — “серые людишки”, потесненные в храмах “холеными бабами в искристых меховых шубах” и их решительными мужиками... В конце концов есть “соборное сознание”, которое чаще всего проявляется в принципе “народ безмолвствует”. Нечто подобное мы уже проходили: давайте вспомним солженицынский “Пасхальный крестный ход”, где в святую ночь автор замечает в первую очередь пьяную развязную русскую молодежь, испуганную и тоже русскую серую массу верующих, в которой вдруг “мелькают одно-два мягких еврейских лица”.

Далек от церкви и веры православной Василий Колыванов. Об этом наглядно свидетельствуют досадебные отношения с подругой, к сожалению, ставшие сегодня для многих нормой.

Стиль романа ровный, близкий к разговорному, с вкраплениями просторечий типа “почесал репу”, “по барабану” (в значении “всё равно”), “ментяра”, ничуть не облагораживающих облик рассказчика-интеллектуала и даже проявляющих некоторую люмпенизированность и неуравновешенность его натуры.

Герой-рассказчик амбивалентен, противоречив. За “перестройку” он проходит путь “от демократа-идиота до маньяка — антидемократа”. Однако в стане противников демократии он не остается и, не высываясь, живет в скорлупе обыденной суеты.

Благополучный для центрального персонажа финал далек от нынешней реальности, но выражает авторские чаяния, связанные с победой сил добра и света над общественным злом. Оно в романе воплотилось и в организованных преступных группировках, и в стремлении многих утративших человеческое начало людей наживаться на чём угодно, и в желании жить только для себя, спокойно перешагивая через жизни других, и в завравшихся СМИ, способствовавших обольщению населения в 1980-е, в 1990-е, в 2000-е, а также в антироссийских силах ближнего и дальнего зарубежья.

Проблема исторической памяти затронута в **рассказе** воронежского автора **Ивана Евсеенко “Каратели” (№ 5)**. Жизнь приводит фронтовика Ивана Родионовича Калиновского к таким мыслям: на месте Германии, как страны-агрессора, сделать озеро, а в могилы погибших на нашей земле фашистов вбить осиновый кол. Иван Родионович убежден, что в первую очередь повинен в фашистских зверствах немецкий народ: “Кто кричал: “Хайль Гитлер!”, кто мнил себя высшей расой, кто держал в домах рабов со всей Европы?”

Рассказчик, в 60-е годы молодой человек, не соглашается с приятелем-ветераном, но, спустя сорок лет, повторяет слова старого ветерана: “И пока озера и осинового кола нет, не будет на земле ни мира, ни покоя...”

В контексте рассказа озеро и кол символизируют вечное напоминание о наказании агрессора и универсальное средство борьбы с войнами. Но это ложная панацея. В мире десятки и сотни подобных напоминаний, и ни одно из них не останавливает и тем более не может окончательно исправить греховную природу человека.

Фашистские зверства, описываемые в рассказе, как бы подталкивают читателей к этому выводу. Но, думаю, русский солдат и русское войско тем отличались и отличаются от варваров-европейцев, что находят в себе силы не мстить всем подряд, могут остановиться и заставить себя не переносить свирепую ненависть к врагу на мирное население завоёванной страны, на поверженного врага. Подтверждения этому мы без труда найдем в истории и XVIII, и XIX, и XX веков. Русские – не каратели!

Картины из жизни послевоенной деревни обрисованы в **рассказах Василия Киякова “Знак” и “Письмо Сталину” (№ 5)**. В первом затронуты темы исторической памяти, памяти поколений. Справедливо утверждение повествователя в этом произведении: о безжалостном, бесчеловечном отношении фашистов к нашим пленным солдатам во время Великой Отечественной войны “надо спрашивать и рассказывать надо”.

“Знак” – это воспоминание рассказчика об одном эпизоде детства, связанном с дедом-фронтовиком. Дед, прошедший жесточайшую войну и смущавшийся фашистского клейма военнопленного, противопоставлен своему лукавому сверстнику Кузьме Лукичу, всю жизнь хитрившему и не попавшему на фронт. Через это противопоставление поставлены проблемы личного нравственного выбора, верности и предательства.

Автор связывает финал рассказа с исторической перспективой, с необходимостью всегда помнить о том, что было: “И когда я волей судьбы был закинут в Берлин, ходил... вдоль рисованной и разбитой берлинской стены, вдоль сияющих супермаркетов и гаштетов, в которых пьют тягучее пиво и одобряют “продвижение НАТО на Восток”, я вспоминаю... слёзы деда...”

В рассказе “Письмо Сталину” В. Кияков рисует трудный быт русской послевоенной деревни. Сложная и противоречивая эпоха правления Сталина отразилась в рассказе. В центре внимания автора – взаимоотношения подростка Кольки с родителями. Колька верит в великого и могучего вождя народов Сталина и пишет ему письмо с просьбой помочь попасть в Суворовское училище. Родители – много повидавшие в жизни крестьяне – к Сталину относятся иначе. Ребенок пишет письмо именно тогда, когда побывавшего в плену отца в очередной раз вызывают в НКВД.

Солдатские истории из книги **Сергея Михеенкова “Когда мы были на войне” (№ 6)** – ещё один яркий штрих в правдивой картине событий Великой Отечественной войны, создаваемой народной памятью. Воспоминания фронтовиков, собранные писателем, наполнены суровой и трагической правдой, мужеством защитников Родины, горечью отступления, потерь и радостью победы над врагом. Подобные документальные повествования утверждают мысль: все, кто сражался с фашизмом, – не прокляты и убиты, а благословенны и живы. Не может быть проклят тот, кто “душу положил за други своя”. Не исчезнет бесследно живая память о павших. Живое слово и живые души сохраняют её.

Из мозаичных воспоминаний выживших солдат и офицеров складывается широкое полотно трудной и жестокой борьбы за Родину, за свой народ, за наше будущее.

Николай Ивеншев для меня писатель-загадка. Как ни стараюсь, не могу понять его образы и ассоциации. Например, почему в **рассказе “Клифт” (№ 7)** слово “костюм”, с точки зрения повествователя, “колкое”, неудобное,

а “клифт”, обозначающее “костюм” на языке уголовников или, как пишет автор, “урок”, больше подходит к “парадно-выходной одежде”?

Влияние разновидностей классической верхней одежды на поведение рассказчика находится в центре произведения. Его костюмы становятся символом отрезка личной жизни, а также жизни всей страны. Самый первый, неладно скроенный, – юность с её надеждами, пору 1950–1960-х годов. Другой, польский – молодость, свободу, щегольство, самодовольную игру в иностранца, а также спокойную жизнь 1970–1980-х. Третий, костюм-клифт – “протоптал” в 1990-е “дорогу в зековский стиль”.

Слог у Н. Ивеншева неровный, издерганный, почти разговорный. В нем часты повторы, вопросы-ответы, восклицания, недоумение, попытка прозреть истину и возвестить её миру. Чего стоит такое высказывание: “Синдром Акакия Акакиевича живёт в каждом человеке...”.

В другом рассказе этого же автора – **“Певчая кровь” (№ 7)** – повествование “пересказывает” с одной темы на другую. Образом рассказчика Н. Ивеншев соединяет пёстрые, разнородные картинки из жизни: любование куском сыра в холодильнике, сцену с цыганкой, описание воробьёв, которые в сознании повествователя ассоциируются с коммерсантами, фантазию о соловье-лгуне (!?), вороне-землемере и безобразных бакланах, истории о скворце, прилетевшем из детства, и о взаимном непонимании поэта-отца и малолетнего компьютерщика-сына...

Роман рязанского писателя **Бориса Шишаева “Время любви” (№ 7–8)** можно по праву назвать открытием “Нашего современника” в 2009 году. Проблема возвращения, одна из центральных в произведении, решается автором в разных аспектах. Это путь к родительскому дому, дорога к постижению жизни и познанию веры, возвращение русского человека к духовным корням.

Главный герой, Павел Андреевич Велешев, – известный кардиохирург, потрясенный внезапной смертью матери от сердечной болезни. Остро почувствовав надобность своего присутствия в родной деревне Поречье, он возвращается из города в дом своего детства. Вскоре случается ещё одна трагическая утрата – смерть жены. Опять – не выдержало сердце.

В деревне, где Велешев продолжил работать главным врачом, завхозом, терапевтом, хирургом, его жизнь проходит в постоянных заботах о сельской больнице и пациентах. Но внезапное чувство к случайной пациентке, буквально свалившейся на доктора с неба, меняет жизнь вдовца.

Взгляд на мир у писателя Б. Шишаева светлый. И хотя немало трагического изображено на страницах повести, оно осознаётся главным героем и автором как результат человеческой и своей, личной греховности, влияющей на окружающий мир. Поэтому исправлять мир Велешев начинает с себя. Сам начинает возрождение родного угла – дома, больницы, а по сути и родного Поречья. Многие торопятся похоронить русскую деревню, отказать ей в дееспособности. Но, оказывается, там и врачи есть, и почта работает, и люди не только матом разговаривают, и детишки подрастают, и даже семьи не все развалились. Конечно, деревня далеко не та, что была в 1960–1980-е годы. Но живет. Такую картину рисует автор в романе.

На провинциальную тихую жизнь в Поречье мало что влияет. Она – вне телевизионного, политического, экономического воздействия. О приметах времени читатель догадывается лишь по описанию плохого финансирования больницы и по городским страницам повести, где присутствуют рекламные агентства, автосалоны и прочие приметы 2000-х.

Автор ведет Велешева от утрат близких к обретению себя и своей новой любви. Этому способствует божественная красота русской природы: “...Высокие, светлые истины, скорее всего, открывались людям... когда они смотрели на небо, на красоту земли и воды...”. Многие персонажи романа наделены отзывчивостью, добротой, состраданием, трудолюбием. Это сестра Велешева, живущая в Поречье, медицинский персонал сельской больницы, коллеги по работе в городе.

Авторский идеал человека воплощен в образе пожилой деревенской учительницы Анны Тимофеевны, которую главный герой характеризует так: “Она мудрая от природы. К тому же всю жизнь читала и до сих пор читает только хорошие книги”. Она добрым ангелом заботится о Велешеве и его возлюбленной Валерии Сергеевне, наставляет их, проговаривает в беседе с ними житийские мудрости: “...Несчастье, скорбь, страдание помогают человеку ста-

новиться сильнее”; главное в том, “чтобы научиться быть счастливым в доброте и быть добрым в несчастье. Ну и конечно... помнить сердцем, что небо видит всё”; “... Вера и верность всегда окупаются, а человек, отрешившись или предавший даже, и не подозревает, на какую бедность и пытку обрёл самого себя”. Ключ к пониманию названия произведения и основную его идею автор вкладывает в предсмертное письмо Анны Тимофеевны, адресованное пропавшему без вести в Афганистане и вернувшемуся только после смерти матери сыну и полюбившемуся ей Велешеву: “... Не сетуйте... на то, что время нынче жестокое и слепое, что это время жадности и зависти, ненависти и бессердечия. Для кого-то воистину так, а для других это время любви, веры и верности... вы должны любить в этом прекрасном мире... истинный двигатель жизни – это любящий человек. <...> Если любишь – ты освещён изнутри, и в душе у тебя тепло, которое может согреть как одного, так и многих”.

Мысли Анны Тимофеевны близки к православному пониманию жизни, но автор не связывает напрямую образ старой мудрой женщины с церковью. Христианский подтекст повествования явственно обнаруживается во второй половине романа, когда в речи Велешева появляются явные и скрытые цитаты из Евангелия и произведений святоотеческой литературы, свидетельствующие о постепенном приближении героя к православным христианским идеалам, и он начинает посещать церковь, осознавая, что “нельзя веровать без церкви. Она помогает помнить о Боге постоянно и освещает совестью каждый... поступок... В единении верующих такая спасительная сила...”.

Трудная любовь к своевольной Валерии Сергеевне причиняет Велешеву много страданий. В финале писатель вновь отдаёт строптивую владелицу рекламной фирмы, попавшую по дороге в Поречье в автомобильную аварию, в руки врача Павла Андреевича Велешева и даёт ему ещё один шанс сблизиться с любимым человеком.

Авторское видение героя связано с постепенным приближением Велешева к православному христианскому идеалу. Но после прочтения возникает несколько вопросов к автору, связанных с образом главного героя. Например, не пошел ли Велешев на поводу у своего эгоистического чувства, когда оставил пациентов, ожидающих операции на сердце? Ни для кого не секрет, что высококлассные кардиохирурги ценятся в России “на вес золота”. Почему опытный специалист вовремя не обратил внимания на сердечную болезнь матери и жены? Чего не хватило? Способен ли этот герой по-настоящему заботиться не только о пациентах, но и о родном, близком человеке? Способен ли он любить, не стремясь изменять того, кого любит? Прямые ответы на эти вопросы проявляют в характере Велешева то, о чем автор умолчал, но что следует из его поступков...

Рассказ известного писателя-петербуржца **Николая Коняева “Пётр” (№ 8)**, посвященный исследованию веры современного неопита-паломника – одно из лучших произведений этого жанра, опубликованных в журнале “Наш современник” в прошлом году.

В повествовании Н. Коняева, как и во многих других его произведениях, соединяются простота слога и глубокий смысл.

Автор на современном материале говорит с читателями о проблемах крепости веры, предательства, лжи, истинного православия и модного увлечения им.

Стойкость, твёрдость веры во Христа русского парня Петра выдерживает проверку смертельной опасностью. Он, хоть и не большой любитель паломнических поездок, не снимает с себя крест. Инициаторы паломничества к источнику – семья Толкуновых – предают веру, выбрасывают крестики в пропасть, а позже – лгут, изворачиваются, сваливая своё предательство на Петра.

Кремень, найденный Петром на краю скалы, и его имя становятся символическими деталями повествования.

В **повести-мелодраме** писателя из Орла **Юрия Оноприенко “Несбыточный роман” (№ 9)** есть всё: небритый, загадочный, сверхобаятельный, привлекательный и даже несчастно женатый мужчина “в самом расцвете сил”, три одинокие женщины, ждущие настоящего, а значит и несбыточного чувства, три корoba разговоров о любви, постельная близость с небритым “обаяшкой”, закулисная жизнь театра, безответно влюбленный в неприступную красавицу олигарх, умирающая от тоски по хозяйке бесценная чудо-собачка ки-

тайских императоров, ребёнок, украденный русской матерью у отца-итальянца, и даже стрельба. Этот набор, типичный для женского ироничного детектива, заполняет добротной скрепленную динамикой сюжета ткань повествования, присыпанную кое-где православной лексикой и порой перегруженную метафоризмами типа: “Снежная взвесь упруго крутанула вдоль скамьи, опутав обоих одним витком, словно бы объединившим, как трамвайных ездоков, случайно усевшихся рядом” (в начале повести); “Декорации местами влажно светились, словно драгоценные иконы-мироносицы, предрекающие благу весть” (в середине); “Мысли лились микронным безвременным сгустком” (в финале).

Читая **рассказ** писателя из Белгорода **Виталия Малькова “Телескоп” (№ 10)**, так и хочется воскликнуть: а ведь автор писал с оглядкой на “Микроскоп” Василия Шукшина! И герой-работяга, и мечта давняя, и жена против, и даже фамилии схожи: у Малькова – Ерохин, а у Шукшина – Ерин. Однако по окончании чтения понимаешь: у В. Малькова всё по-другому.

Нет атмосферы пошлости и взаимной супружеской неприязни, нет обмана и тайной покупки с последующим разоблачением. Но есть давняя мечта Ерохина и жертва ею ради лада в семье, есть духовный рост героя, способного понять, что стремление к познанию небесно-звездной выси оказывается мелочным в сравнении с семейным ладом и заботой о ближних.

Рассказ у В. Малькова получился светлый, жизнеутверждающий, со своеобразным сюжетом, и ни о какой вторичности произведения речи нет и быть не может.

Читатели “Нашего современника”, наверное, помнят увлекательную повесть **Сергея Козлова** о становлении характера талантливого подростка-пианиста “Бекар”, опубликованную в 2006 году. **В последнем номере 2009 года** увидела свет ещё одна **повесть** писателя – “Движда”.

Начало этого произведения, на мой взгляд, можно сравнить с началом булгаковского “Мастера и Маргариты”. Наставник-еврей и его ученик-русский беседуют о творчестве и об идеалах жизни. Только у Козлова эти герои – журналисты из одной областной редакции и антагонисты: первый – шестидесятилетний агрессивный “борец за либеральные ценности”, второй – тридцатилетний “добродушный и отзывчивый человек”, критично оценивающий буржуазно-демократические достижения в постсоветской России. Стремление журналистов осуществить профессиональный эксперимент, то есть ради познания жизни “низовой глубинки” стать “бомжами” в другом городе приводит обоих в больницу в качестве пациентов. Только у молодого – Константина Платонова – перелом ноги и сотрясение мозга, а пожилой – Виталий Степанович Бабель – попал в реанимацию с подключением к аппарату искусственной вентиляции легких. Но это лишь завязка событий повести.

Спор между Платоновым и Бабелем – это спор между религиозным православно-христианским и скептически-атеистическим мировоззрениями. Решающим аргументом в этом споре становится образ молодой медсестры Марии, много отстрадавшей в недолгой жизни и наделенной духовным состраданием к больным. Чудесные молитвы медсестры-христианки, прозванной в городке “Магдалиной”, помогают многим с небывалой быстротой избавиться от хвори. Испытывают их действие и горе-журналисты.

В повести С. Козлова удивительным образом соединены всепобеждающая сила Христовой любви, поиск человеком истины, своего места в мире с жесточайшей реальностью современной жизни. Но последнее слово остаётся за христианством.

Радует меня как читателя, что произведения многих авторов о современности наполнены пониманием необходимости активного влияния на жизнь и её преобразования, борьбы за народные интересы, верой в победу над тёмными силами.

Христиански осмысленное изображение жизни православных верующих – то, чего, на мой взгляд, не хватает современной литературе. Западное, выхолащено-циничное отражение действительности пелевиных, юзефовичей, аксеновых, рубиных, улицких и других нормальному русскому читателю давно надоело. Эту нехватку заполняют многие авторы “Нашего современника” (А. Байбородин, В. Гофман, С. Козлов, А. Лиханов, Н. Скромный, Б. Шишаев и другие), напоминающие читателям, что русский – значит, православный.

Однако удивляет меня одиночество центральных героев многих произведений. Как правило, это люди без семьи или без детей, а порой и без первого, и без второго (роман А. Воронцова, Б. Шишаева, повесть Ю. Оноприенко, рассказы Д. Ермакова, А Черновой, Т. Соколовой). Часто семья в современных произведениях живет на изломе, разваливается. Изображения полноценной семейной жизни — её красоты, заботы друг о друге и о детях, воспитания детей — просто нет. То ли это не модно, то ли подобный опыт жизни и вовсе отсутствует у авторов, то ли, стремясь отобразить современный развал семьи, писатели забывают, что за критическим отношением к действительности обязательно должен стоять образец, идеал бытия, являющийся основанием критики.

Наверное, кроме рассказов “Командировка” В. Гофмана, “Сказка” Д. Щёлокова, “Телескоп” В. Малькова и ряда эпизодов романов “Слётки” А. Лиханова, “Казачья Засака” В. Пронского и “Время любви” Б. Шишаева, во всех практических произведениях, где затрагивается тема семьи, авторы избегают описания жизни обычных счастливых семей, хороших семейных впечатлений. Неужели срабатывает установка великого русского романиста Льва Толстого: “Все счастливые семьи счастливы одинаково, каждая несчастливая семья несчастна по-своему”? Прозаики, словно загипнотизированные, рвутся описывать семьи “несчастные” и “разные”, боясь затронуть жизнь “одинаковых” и “счастливых”. Но разве одинаковость “счастливых” раз и навсегда доказана? Разве правильно при изображении жизни супругов и детей в семье делать акцент на всём изуродованном и разломанном? Что мешает отображению духовно здорового, радостного, светлого бытия семьи, не исключающего естественных вторжений трагедийности жизни? У писателя есть два основных пути преобразования жизни: бичевание пороков при помощи их изображения “во всей красе” и их искоренения прекрасным образом и образцом. Незадолго до смерти в смутном и голодном для его многодетной семьи 1918 году Михаил Меньшиков записал в дневнике: “Мы размазываем в нашем воображении грязь народную вместо того, чтобы смывать её. Общее правило: вода ванны должна быть чище тела, то же и литература: она должна быть чище жизни, чтобы очищать её. Только великие поэты у нас понимали:

*И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и омыт...”*

Как читателя, меня поражает и ещё кое-что. Некоторые авторы как-то слишком быстро, избегая традиционные свадьбу и венчание, стремятся поместить своих молодых и немолодых героев в постель. И главная беда здесь — писательское нежелание замечать грех и его последствия. Неужели для ряда прозаиков, печатающихся в “Нашем современнике”, так называемый “гражданский брак” стал нормой, образцом поведения? Хороший патриотический секспросвет у нас получается... Многому молодежь научим. Понятия “стыд” и “целомудрие” такими авторами практически утрачены, ведь они мешают динамично развернуть любовный сюжет до самой острой и клубничной развязки...

Подводя итоги этого краткого обзора прозы, опубликованной в 2009 году в журнале “Наш современник”, хочу отметить хороший подбор произведений, широту тематики, сочетание авторов молодых и опытных, из столицы и из самых разных уголков России. Налицо тщательная работа редакции, способной из большого потока авторов и произведений современной прозы выбрать наиболее значимое, подчёркивающее многообразие творческих манер, проблематики, жанровых форм в отечественном литературном процессе.

Моё главное впечатление: практически всё, опубликованное в журнале за год, — это добротная традиционная проза, ориентированная не на стилистику “а ля рюс”, а на правдивое отображение русской современной жизни и отечественной истории. В этой прозе нет и намека на заигрывание с читателем, на модные интеллектуальные выкрутасы, на стремление подстроиться под мнение какого-либо жури богатенькой премии. Не секрет, что жури многих “больших” и так называемых “национальных”, а в особенности “букеровских”, премий крайне зависят от мнений людей, дающих деньги. А люди эти “слишком далеки... от народа”, русского народа в особенности.

Журнал делает своё дело, упорно продвигая, в том числе и при помощи новой прозы, идеи и традиции отечественной классики в литературе. И делает его хорошо.